

Б. К. ПАШКОВ

СТАРОКАЛМЫЦКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ — ВЫДАЮЩЕЕСЯ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

Чешский профессор Ч. Лоукотка опубликовал в 1946 году свой труд «Развитие письма». В 1950 году он был переведен на русский язык и под редакцией проф. П. С. Кузнецова был издан в Советском Союзе.

Первые слова этого труда были: «Без письма не было бы культуры». Такое значение придает Лоукотка письму. Действительно, и наша старокалмыцкая письменность имеет громадное значение в развитии калмыцкой литературы. Она составляет необходимый и важный элемент культуры. Ее история такова.

В период наивысшего развития Джунгарского ханства в половине XVII века появляется национальная калмыцкая письменность, создателем которой был Зая-Пандита, получивший вследствие этого наименование просветителя ойратско-калмыцкого народа. Заслуги Зая-Пандиты очень велики.

Во-первых, он на основе старомонголь-

ской графики составил специальный ойратский алфавит, введя дополнительные буквы, диакритические знаки и особые формы букв. Этот алфавит был согласован с фонемным составом ойратского языка, и все фонемы имели для себя буквы. Также была определена и орфография письма. Этим особенно отличается зая-пандитское письмо от старомонгольского.

Во-вторых, Зая-Пандита своими переводами и оригинальными сочинениями создал ойратский литературный язык, сделавшийся ойратским государственным языком. Изобретение письма Зая-Пандитой состоялось в 1648 году, и только в 1924 году в Калмыкии оно было заменено алфавитом, основанным на русской графике. Таким образом, в Калмыкии зая-пандитское письмо существовало 276 лет, а за рубежом оно существует почти до настоящего времени, т. е. 320 лет.

Зая-Пандита своим изобретением ойратско-калмыцкой письменности совершил великий подвиг и внес ценный вклад в культурное наследие калмыцкого народа. Он перевел с тибетского и санскритского языков на ойратско-калмыцкий 177 сочинений в течение 12 лет (с 1650 по 1662 гг.) и написал ряд оригинальных трудов. Об этом мы узнаем из «Биографии Зая-Пандиты», написанной в конце XVII столетия, уже после смерти Зая-Пандиты. Переводов этого сочинения на русский язык пока не имеется. Личность ученого-просветителя и крупного общественного деятеля Зая-Пандиты освещена только в этой «Биографии Зая-Пандиты».

Впервые кто вскрыл в нашей востоковедной литературе выдающуюся деятельность Зая-

Пандиты по созданию письменности для ойрат-калмыков был Юрий Лыткин, студент Санкт-Петербургского университета, который 110 лет тому назад представил Санкт-Петербургскому университету свое сочинение на тему: «Исторический очерк знаменитого в буддийской иерархии ламы Зая-Пандиты, с показанием его влияния на распространение буддизма между ойратами и ученых его заслуг для калмыцкой литературы». Эта тема проходила по кафедре монгольской словесности. Она получила высокую оценку со стороны ученого совета и была удостоена награды — золотой медали.

В рецензии ученого совета сказано: «В заключительной (5-ой) главе автор, желая выставить заслуги Зая-Пандиты, оказанные им ойратской литературе, сначала говорит об изобретении монгольской азбуки и состоянии письменности у монголов, потом уже переходит к описанию энергичной деятельности Зая-Пандиты при разработке девственной почвы родного языка. До него ойраты не имели собственных букв, и любознательные из них должны были читать монгольские книги, не всегда для них понятные. Зая-Пандита более, нежели кто-нибудь, чувствовал этот недостаток, который нередко служил ему препятствием к распространению буддизма между ойратами, и решил создать для них свой алфавит. С этого времени он устремил все свои силы на переводы тибетских книг на язык ойратский и сочинения разных проповедей. Таким образом, он первый положил основание народной литературе ойратов: «Мы не говорим о том, что он был лама-проповедник буддийско-ламаистской религии, оставим

в тени эту деятельность, оказавшую впоследствии большой вред калмыцкому народу, но осветим другую его деятельность, за которую он заслуживает наименования просветителя калмыцкого народа.

Кроме создания письменности, в решении ученого совета отмечается еще одна не менее важная заслуга Зая-Пандиты. Там сказано: «наконец, для полноты успеха своей миссии, он примирял враждовавших между собой ойратских князей, возбуждал их к единодушию и указывал им прекрасную цель для их стремлений—отстоять независимость от постоянных нападений монголов и скрытых козней маньчжурского дома в Китае».

По характеру этой деятельности Зая-Пандита ставится в ряд с такими крупными общественными деятелями, своими современниками, как Батур-хун-тайджи и Хо Орлюк, возвысившимися в период наивысшего расцвета Джунгарского ханства. Таким образом, самой важной заслугой Зая-Пандиты является то, что он заложил основы общеойратского литературного языка. Важно то, что он создал ойратский алфавит на основе монгольской графики и этим как бы создавалась преемственность между старомонгольской письменностью, которой до этого пользовались и ойраты, и новой ойратской письменностью.

Наконец, важно то, что письменность Зая-Пандиты обслуживает не только потребность религиозного письма, но и потребность гражданского светского письма. Это особенно важно и это колоссальный вклад Зая-Пандиты в культурное наследие калмыцкого народа.

Общеойратский литературный язык получил в дальнейшем наименование заяпандитского.

На этом заяпандитском языке появилась большая литература, которая полностью еще не выявлена и мало изучена. Значит, первый оригинальный памятник заяпандитской письменности, появившийся в конце XVII века на монгольском и заяпандитском языках, после переводов с тибетского языка, был исследован Юрием Лыткиным. Это исследование сопровождалось переводом Лыткина и самого памятника. К сожалению, само исследование и перевод не сохранились. Необходимы их поиски. В дальнейшем это исследование и перевод послужили источником для биографии Зая-Пандиты в трудах Голстунского (1880), Позднеева (1908), Лауфера. В советское время по исследованию биографии Зая-Пандиты выделены труды В. Л. Котвича, Г. Е. Грум-Гржимайло, Б. Я. Владимирцова, С. А. Козина, И. Я. Златкина, Г. И. Михайлова, Ц.-Д. Номинханова, Д. А. Павлова, И. К. Илишкина, А. В. Бадмаева.

О выдающейся деятельности Зая-Пандиты говорит и **Г. Е. Грум-Гржимайло**.

(«Западная Монголия и Урянхайский край», т. II. Ленинград, 1926, стр. 602—603). Он отмечает недостатки монгольской письменности (необозначение долгих гласных), которые побудили Зая-Пандиту отказаться от монгольской письменности и создать специальный алфавит для ойратского языка.

Вл. Котвич «Калмыцкие загадки и пословицы», СПб. 1905, стр. 5 указывает на то, что не предусмотрел Зая-Пандита. Опыт прагматики калмыцкого разговорного языка. Петроград, 1915.

Русские архивные документы XVII —

XVIII вв. (известия Российской Академии наук, 1919 г., стр. 1204).

Б. Я. Владимирцов отмечает роль Зая-Пандиты в создании общеойратского литературного языка.

И. Я. Златкин дал краткую и объективную характеристику Зая-Пандите, отметив как положительные, так и отрицательные стороны ламаизма, (1) «История Джунгарского ханства», 1635—1758. Москва, 1964.

2) «Очерки истории Калмыцкой АССР» дооктябрьский период, Москва, 1967).

Г. И. Михайлов. Мы имеем пока единственный труд по истории зая-пандитской литературы дореволюционной эпохи, охватывающий выявленные и сохранившиеся произведения зая-пандитской литературы. Это раздел «Калмыцкая литература» в сб. «Из истории культуры дореволюционной Калмыкии» (Волгоград, 1967).

Но важно охватить все виды зая-пандитской письменности. Прежде всего по раннему Джунгарскому периоду: 1) переводная (с тибетского и санскритского языков) литература, 2) юридическая документация (монголо-ойратские законы и др.), 3) деловая переписка (дипломатическая документация и др.), 4) историческая хроника.

По позднему Волжскому периоду:

1) переводная литература (с русского языка);

2) юридическая документация (законы Дондук-Даши);

3) деловая переписка (с русской администрацией);

4) исторические сочинения («Сказания о дэрбен-ойратах», «Краткая история ханов» и др.);

5) фольклорные памятники («Джангар», сказки, пословицы и поговорки).

В волжский период особенно известными являются исторические сочинения, это: «Сказание об ойратах» эмчи Габан-Шараба, лучший образец ойратско-калмыцкой литературы конца XVII и начала XVIII вв. (1737 г.). Со стороны слога и словаря «Сказание об ойратах» имеет большое значение для истории калмыцкого языка и для истории калмыцкой литературы, как ранний источник, написанный калмыцким автором. Это своего рода жемчужина калмыцкого поэтического творчества. К сожалению, «Сказание об ойратах» до сих пор не переведено на русский язык. Имеется несколько списков, можно было бы составить хороший сводный текст с необходимыми комментариями и переводом и сделать доступным это произведение для широкого круга читателей.

«Сказание о дэрбэн ойратах» Батур-Убаши Тюменя. Это сочинение было написано почти через 100 лет после «Сказания об ойратах» Габана Шараба.

Автор учился в русской школе, получил европейское образование. В его произведении больше лексических заимствований из русского языка. Его язык менее архаичен, чем язык первого летописца, Габан Шараба.

Свой труд он закончил в 1819 году, довел свое летописание до 1788 года. Он много заимствовал у Габана Шараба, но это несколько не снижает значение его работы. Он сооб-

щает и много нового. Автор придерживался тематического плана. Перевод был осуществлен Ю. Лыткиным. Оригинал печатался А. М. Позднеевым в его литературном издании «Памятники исторической литературы Астраханских калмыков». (СПб, 1895). Потом в трех изданиях: 1892, 1907 и 1915 «Калмыцкая хрестоматия».

«Краткая история калмыцких ханов». Время написания и автор неизвестны. Приблизительно, исходя из содержания, можно определить, что время написания было в период между 1787 и 1843 годами. История охватывает промежуток времени в 150 лет.

Важно то, что автор интересуется внутренней историей калмыков, повествует о взаимоотношениях калмыцких князей, об их отношении к русскому царю и соседним народам.

В повествовании автора живо передана картина Калмыцкой степи XVII и XVIII в., показана деятельность Дондук-Омбо, Дондук-Даши, Аюки-хана и др. В истории дано объяснение, почему калмыки перешли из Джунгарии в Россию и почему совершили бегство из России на Алтай в 1771 году. С объяснениями этих причин можно согласиться. События излагаются не по тематическому признаку, а в хронологическом порядке.

Лыткин говорит: «Настоящий труд замечателен, во-первых, как труд национальный, во-вторых, как заключающий в себе несколько новых данных, не внесенных в труды русских ученых О. Иакинфа, Нефедьева, А. П. Попова и барона Ф. Бюллер, писавших о приволжских ойратах или калмыках».

Ц. Д. Номинханов оставил ряд очень ценных работ по заяпандитской письменности. В

тридцатых годах он готовил специальный курс по заяпандистской письменности для студентов ВУЗа, куда вошли: «Ойраты и их письменность», «Письменность Зая-Пандиты» (57 стр.). Образцы документов по истории калмыцкого народа, написанных на заяпандитской письменности (из калм. архива)—28 док.

В 1966 г. он подготовил спецкурс «История калмыцкой письменности» для Калмыцкого государственного педагогического института. Подробный проспект этого курса сохранился в рукописи.

Церен-Дорджи Номинханов был крупнейший специалист по заяпандитской письменности, он работал в этой области начиная с 1927 года. Ему принадлежат и печатные труды:

1. «Первая школьная грамматика по калмыцкому языку» (совместно с Б. К. Пашковым), написанная в основном по заяпандитским памятникам (1931 г.)

2. «Калмыцкий народ и его письменность» (в «Сов. Калмыкии», № 221 (5146), 12 ноября 1966).

Необходимо выявить все его рукописи и опубликовать.

Д. А. Павлов в статье «К вопросу о создании «Тодо бичиг» (стр. 109—132, «Записки». Выпуск 2, 1962, Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР) дал обстоятельное описание заяпандитского алфавита и детально показал его фонемные соответствия. Это первая научная статья о «Тодо бичиг». Желательно было бы ее переиздать

Илишкин Иван Кузнецович заострил внимание на последнем периоде общекалмыцкого

литературного языка, на советском, определил его характерные особенности, отличающие его от предшествующего периода, собственно заяпандитского, и установил новые явления, особенно в калмыцкой лексике. Его работы по калмыцкой лексике открывают новые страницы в развитии калмыцкого литературного языка.

Бадмаев Андрей Васильевич опубликовал важные материалы Юрия Лыткина; необходимо продолжать переиздание всех работ Лыткина, надо, чтобы А. В. Бадмаев довел это дело до конца.

Таким образом, я предлагаю:

1. Вторично переиздать статью Д. А. Павлова в виду ее особой научной ценности (в виде отдельной брошюры) «К вопросу о создании «Тодо бичиг» (1962 г.).

2. Издать рукописи Ц.-Д. Номинханова, касающиеся заяпандитской письменности.

3. Продолжать переиздание трудов Юрия Лыткина, начатое А. В. Бадмаевым.

4. Установить день калмыцкой литературы, истоки которой восходят к Зая-Пандите, по примеру дня славянской письменности, отмечающегося ежегодно в Болгарии.